

БЕАТРИЧЕ МАЗИНИ

ДЕТИ

В

ЛЕСУ

Встречное движение

Беатриче Мазини

Дети в лесу

«Самокат»

2010

Мазини Б.

Дети в лесу / Б. Мазини — «Самокат», 2010 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-9175-9562-7

После глобальной мировой катастрофы немногие уцелевшие дети оказываются в Лагере, где они живут под прицелом видеокамер. Каждый вечер они должны глотать отупляющее лекарство, которое постепенно стирает эмоции и воспоминания о прошлой жизни. Дети удручены и бесправны, для лагерного начальства они всего лишь «свежее мясо», товар — дешевая рабочая сила, которую можно выгодно продать. Но кое-что меняется, когда тринадцатилетний Том случайно находит книгу сказок и читает ее вслух остальным. Дети начинают задавать вопросы, и главный из них: что там, в лесу, за пределами Лагеря?

ISBN 978-5-9175-9562-7

© Мазини Б., 2010

© Самокат, 2010

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Беатриче Мазини

Дети в лесу

Посвящается Пое, который – по-своему – всегда был рядом

Часть первая

*Вместе с материнской любовью жизнь дает вам на заре
обещание, которого никогда не исполняет.*

Ромен Гари

– У нас новенький! – объявил Глор, сбегая с холма. Все остальные сидели в кругу и играли в кости. Никто не выигрывал: каждый играл сам с собой. Но сидели рядом.

Хана первая прекратила игру. Она отложила белые костяшки и подняла глаза на Глора:

– Номер?

– Не знаю. – Глор прижал руку к груди, стараясь успокоить дыхание, потом пригладил торчащие волосы: он всегда так делал, когда волновался. – Издалека похож на Семь.

– Значит, его точно отдадут нам, – сказал Дуду и широко улыбнулся. До сих пор он был единственной Семеркой их Сгустка и лелеял надежду, что если появится второй, будет легче.

– Ладно, пошли смотреть, – Хана поднялась с земли, разбросала ногой свои костяшки, потом потеряла затекшую правую ступню о левую щиколотку и зашагала. Остальные в точности повторили каждое ее движение. Они всегда всё повторяли за Ханой.

Все, кроме Тома. Он остался и смотрел им вслед. Тощие, в одинаковых тесных рубашках непонятного цвета, стянутых на шее шнурком, – идут, задрав голову, выпятив грудь, будто собрались дать отпор чужаку. Не нужны им никакие новенькие. Они не хотят ничего нового.

Том наклонился и стал рассматривать костяшки, вдруг попадетсЯ какая-нибудь особенная. Эти игрушки никто никогда не брал с собой – зачем, если их полно вокруг. Стоит оглядеться – и пожалуйста, вот они, маленькие белые косточки, как молочные зубы в буром песке, играй себе. Тому не нравилась эта игра. В ней нет ничего, кроме ловкости: подкинул одну кость, подхватил вторую с земли, тут же поймал первую. И так далее: две, три, пять костей... Надо просто все время шарить рукой по земле и подбрасывать кость на нужную высоту, только и всего. Но у Тома еще засел где-то один особенный Осколок – он никак не мог его точно определить. То есть он пытался, но от этого страшно болела голова (зато сам Осколок становился еще более драгоценным): какая-то игра, настоящая игра. Там, кажется, были мяч, палка, и надо было быстро куда-то бежать...

Том поднял голову и приставил ладонь ко лбу, защищая глаза от зеленого сияния Астера. Остальные уже поднялись на вершину холма и окружили новенького. Тому это было неинтересно. При мысли о новичке его даже подташнивало – как когда переешь стручков и потом какое-то время смотреть на них не можешь. Наверняка новичок будет испуган, как все поначалу. Начнет заикаться, мямлить, даже кричать во сне. А все уже от такого отвыкли. Опять придется просыпаться от чужих воплей – потом попробуй усни. Особенно когда крупом непроглядная тьма, и подкрадываются разные мысли, и сжимают горло липкими пальцами.

Конечно, если принимать Лекарство, мысли уходят. Тогда просто проваливаешься в сон и спишь до самого рассвета, и все хорошо. Но на следующее утро раскалывается голова. Поэтому Том научился заталкивать белую таблетку за щеку и держать там, пока не появится

горьковатый вкус на языке. Но к тому времени Том уже обычно находился вне поля *их* зрения и мог незаметно выплюнуть Лекарство.

Больше никто так не делал. Даже Хана. Во всяком случае, Том ничего такого не замечал. Все привыкли слушаться и подчиняться, все до единого. Не будешь слушаться – тебе же хуже. Вызовут на Базу – и крышка: больше, может, и не вернешься. И все тут же о тебе забудут. Когда кто-то один вдруг исчезал, для других его словно никогда не существовало. А если никто не знает, что ты существуешь, то есть никто вообще не помнит, что ты когда-то был, – значит, тебя просто нет, и все. И *никогда* не было.

Но Том отличался от остальных. Он точно это знал. «Я не такой, – твердил он себе по ночам, когда не мог заснуть. – Я стараюсь, я пытаюсь что-то вспомнить. Я хочу вспомнить. Я вспомню».

Он в одиночестве вернулся в Скорлупу. Едва успел сунуть руку под матрас, дотронуться пальцами до выпавшей кафельной плитки, под которой скрывался его секрет, как снаружи послышались голоса. Том отдернул руку, поправил матрас и вышел к остальным.

Хана проводила положенный допрос.

– Ты кто – Остаток или Вылупок?

Новенький сглотнул и промямлил, уставившись в землю:

– Не знаю.

– Небось даже не знаешь, какая между ними разница, – презрительно бросила Хана.

– Оставь его в покое, – буркнул Том. – Зачем это надо?

– Вылупок, – объявила Хана. – Только глянь на его глаза, на кожу. Вон какая она гладкая. – Новенький еще ниже опустил голову и даже прикрыл глаза, словно стыдясь, что они у него такие большие и такие голубые. – Остатки – все в пузырях!.. Как Гранах, – добавила Хана.

Гранах густо покраснел, и волдыри на его лице будто загорелись изнутри. Он тоже опустил голову, чтобы не видеть, как все на него уставились.

«Это неправда, – подумал Том. – Не все. У меня нет никаких пузырей». Но, как всегда, промолчал.

– Имя-то хоть у тебя есть? – грозно допытывалась Хана.

– Не знаю, – ответил новенький обреченно.

– Можно пойти спросить, – предложил Дуду.

– Ты же знаешь, они там не любят вопросов... Будем звать его Ноль, – решила Хана. – Раз он ничего не знает.

Ребенок поднял на Хану благодарный взгляд.

– Ноль? – с надеждой переспросил он и тут же закивал и повторил более уверенно: – Ноль.

Том едва заметно покачал головой. Никто этого не увидел, потому что он стоял чуть поодаль, сзади.

«Словно имени может быть достаточно, – подумал он. – Словно достаточно имени...»

Хана продолжала наставлять новенького:

– Здесь команду я. Все остальные делают, что я говорю, понял? Не приближайся к другим Стусткам, понял? Не говори ни с кем из других Стустков. Не ешь ничего, кроме стручков или консервов. Молчи и слушайся. А теперь пошли! – и Хана направилась в сторону Скорлупы.

Ноль, стараясь показать, что он все понял, чуть не налетел на нее сзади. Хана обернулась и толкнула новенького в грудь так сильно, что он шлепнулся на землю.

– Не лезь слишком близко. Ты мне противен, – сказала она.

Ноль тихо всхлипнул, но тотчас поднялся и, не говоря ни слова, пошел за ней, растирая рукой слезы и сопли. Теперь уже он держался на расстоянии. Глор и Дуду обменялись улыбочками. Через это прошли все.

– Наша Скорлупа, – произнесла Хана на пороге. – Где-нибудь тебе положат матрас, это будет твое спальное место. Не вздумай лечь на чужое, а то получишь. Кстати, лучше сразу заруби себе на носу: насышь здесь внутри – получишь. Сделаешь кое-что другое – получишь. Если приспичит, дуй как можно дальше от Скорлупы и потом забросай все землей или листьями. Если я вляпаюсь в твоё говно – получишь. Все ясно?

Сначала он был Семь, но потом оказалось, что он – Ноль. И скоро все стали звать его Ноль-Семь. Однажды он попытался протестовать.

– Я не номер, – сказал он.

Том удивленно посмотрел на новичка: надо же, какая смелая – прямо мятежная мысль. Хана же лишь тряханула малыша за плечи, довольно сильно. Но не побила. И Ноль-Семь так и остался Ноль-Семь.

Он старался быть похожим на остальных точно так же, как остальные старались походить на Хану. В результате получалась нелепая смесь: он ходил широкими шагами, как Глор, тер глаза, как Нинне, у которой они вечно краснели и опухали, и молчал, как Том. Никто даже не помнил, какой у новичка голос, да и, по правде сказать, всем было не до того. У Сгустка всегда было слишком много дел, которые в конечном итоге сводились к одному: поесть. Искать стручки, выкапывать их из-под земли, промывать водой, варить в большой консервной банке над горящими щепками и потом высасывать жалкое содержимое... В этом заключалось их основное занятие. Ну, и еще – не попадаться никому на глаза. «За вами наблюдают, – говорила Хана. – Всегда. Так что старайтесь быть незаметными».

Хотя не верилось, что кто-то ими интересуется. Разве что во время вечернего ритуала раздачи Лекарства, когда все дети выстраивались в ряды и замирали, как лучи, расходящиеся во все стороны от центра – Базы. О построении напоминал долгий гудок, который вытягивали Громкоговорители – все до единого, – как только опускались сумерки. Дети стояли молча, потупясь, ждали своей очереди. Таблетка, глоток воды из зеленого бумажного стаканчика – и можно снова идти в свою Скорлупу. И они даже не шли, а бежали с чувством облегчения. Потому что База – это такое странное место, от которого лучше держаться подальше. Там, на Базе, живут взрослые, а взрослые – они совсем другие, никогда не поймешь, чего они от тебя хотят. Дают таблетки, пересчитывают иногда – и все. Ну, еще иногда забирают на время Визитов, чтобы показать другим взрослым, и те долго разглядывают тебя влажными глазами, потом качают головой. И тогда тебя отправляют обратно в Скорлупу. Все ужасно боялись, что их возьмут. Ведь никто не знал, что случалось с теми, кого брали. Никто вообще ничего не знал.

В каждом Сгустке был свой вожак. У них вожаком была Хана. Всегда, сколько они помнили. А если раньше и был кто-то другой, то об этом уже все забыли. Хана отличалась жесткостью, методичностью и беспощадностью. Никто не ускользал из-под ее власти. Она решала, когда играть, когда идти на поиски еды, когда спать. Она решала, когда можно смеяться, а когда нельзя. Кто справлялся с заданиями быстро и аккуратно, у того с Ханой никаких проблем не было. А вот медлительные и рассеянные – те частенько от нее получали и в другой раз старались пошевеливаться.

В общем, все довольно просто.

Однажды Том задумался: интересно, а Хана кому-нибудь подчиняется? Может, она главная потому, что ей кто-то приказал быть главной? Например, взрослые. Он долго следил за ней. Следил даже по ночам – долгими бессонными ночами без таблеток: ждал, когда она

встанет со своего матраса и втихоря направится в сторону Базы, за указаниями. Ведь у каждого начальника должны быть свои начальники.

Однако ничего подобного не происходило. Случалось, что Хана и правда вставала среди ночи. Но она просто выходила из Скорлупы и, опираясь на нее спиной, смотрела в темноту. Том тоже иногда так делал – когда был уверен, что его никто не видит.

Тогда Том подумал, что все-таки это странно. Зачем ей все это – если никто ей даже ничего не приказывал? Колотить малышей, испепелять взглядом других девчонок, которые тут же от этого заливались краской, мериться силой с мальчишками в коротких стычках, из которых она всегда выходила победительницей, оставляя после себя кровь и синяки? «Если бы я был главным, – думал про себя Том, – оставил бы их всех в покое. Пусть делают, что хотят».

Но вскоре он изменил свое мнение – в тот день, когда Орла вернулась после поисков еды какая-то странная, с блестящими глазами, а потом ее начало рвать. Ей было очень плохо. Ее лихорадило и выворачивало наизнанку, а когда у нее в желудке уже совсем ничего не осталось, она упала на свой матрас, хотя был еще день, и металась на нем, стуча зубами. А потом скрутилась в узел. Никто не осмеливался к ней подойти – никто кроме Тома, который несколько раз смачивал ей лоб водой и пытался напоить, но она выплевывала воду и только металась и стонала, как раненый зверь. Хана не мешала Тому, но и не помогала. Когда Орла наконец обессилела и впала в тяжелый сон, Хана лишь пожала плечами:

– Вот что случается, когда не слушаешься. Это ягодная лихорадка. Ягоды на вид хорошие, но из-за них потом бывает плохо. Можно и умереть.

Ну, умереть Орла не умерла, зато никто из детей, насколько Тому было известно, к ягодам больше не притрагивался. Наверное, кто-то рассказал об этом случае и новенькому, Ноль-Семь, – потому что в одну из своих первых вылазок за стручками он было приблизился к кусту, усыпанному красными ягодами, и даже протянул руку, но тут же одернул, как ужаленный, и поискал глазами Хану. Та наблюдала за ним, приподняв брови, будто ей было любопытно, что будет. Вот тогда Том и подумал, что командиры просто нужны, и все. Кто-то должен отдавать приказы. Нельзя позволять остальным делать что хотят, – это грозит катастрофой.

Но сам-то Том все равно делал, что хотел. Он был другим. Не спал по ночам. Проводил исследования. И знал много чего разного. Если днем Хана верховодила над всеми, включая и его, то ночью он был сам себе командир. Конечно, от этого было немного страшновато, страх словно покусывал его изнутри, но Тому это даже нравилось.

Если бы он не был другим, то никогда бы не нашел *ее* – свое сокровище. Единственное, что принадлежало только ему, никому больше.

А со временем Том понял, что он не обязан слепо слушаться и выполнять все приказания. Конечно, если все время находишься рядом с командиром, приходится подчиняться, иначе это будет слишком бросаться в глаза. Но стоит отойти подальше, и все – можно просто *делать вид*.

Если бы он не держался подальше, то никогда бы *ее* не нашел.

Вот почему Том был рад, что он такой, какой есть, и ему нисколько не хотелось быть, скажем, таким, как Глор, с его бездумной силой. Или как кто-нибудь из девчонок: этим только бы быть похожими на Хану, быть Ханой – и все, больше им ничего не надо.

Конечно, если бы она это заметила, ему бы точно пришлось худо. Порой он ловил на себе ее взгляд, но никогда на него не отвечал – он не собирался вызывать Хану на открытый бой. Просто отворачивался как ни в чем не бывало. Потом еще какое-то время у него было странное чувство, будто ему сверлят спину, но в конце концов оно проходило само по себе. А мериться с Ханой силами он не собирался – Глор как-то попробовал. Глор был Тринадцать,

как и Хана, но крупнее ее и сильнее. И выше минимум на голову. Она выиграла тогда в кости, он проиграл – совсем немного, но страшно из-за этого разозлился.

– Ты мухлюешь! – заорал он, вскочив, возвышаясь над ней во весь свой рост.

Но Хана просто сидела, скрестив ноги, и смотрела на него снизу вверх с выражением, очень похожим на жалость. Потом медленно, очень медленно поднялась – и он бросился на нее. Она увернулась, в секунду оказалась у него за спиной. И, привстав на цыпочки, сжала его шею каким-то особым приемом, сзади. Он рухнул на землю как пустой мешок, глаза закатились, только белки были видны из-под бровей. «Ничего себе», – подумал тогда Том.

И на этом все закончилось.

Так что он предпочитал держаться от Ханы подальше. Тем более что в физической борьбе у него не было никаких шансов. Все самое главное находилось у него в голове – там, куда никто не мог заглянуть, порыться и что-то забрать. Там, где жили Осколки. Болезненные, острые, разбросанные в беспорядке. Любой из них может выскочить в любой момент, и тогда от боли перехватывает дыхание. И может снова исчезнуть – ты даже не успеешь его схватить, чтобы вытащить на свет, изранив руки об острые края, забрать себе и больше уже с ним не расставаться. Осколки. Боль и радость одновременно. Боль – здесь, а радость – где-то далеко.

Том пока еще не разобрался во всем этом. Но рано или поздно обязательно разберется. Он уверен.

Так же, как он уверен в том, что Лу – была. Была и исчезла. А когда он, собравшись с духом, спросил у остальных, помнит ли ее кто-то еще, на него посмотрели так, будто он свихнулся.

– Не было никакой Лу, – ответила Хана, всем своим видом будто говоря: ну же, возрази мне, давай. – Никогда.

Еще одно Правило было: не задавать вопросов.

– Не спрашивай, – вопил Громкоговоритель, – о том, чего ты не можешь знать!

В конце концов он стал сомневаться. Может, она ему просто привиделась, Лу. Хотя... Эти глаза цвета дождя, эти волосы такого странного оттенка – они у нее начали отрастать, но пока этого никто еще не заметил, и она так и ходила нестриженная, – эта улыбка... Но если Лу действительно была, то куда делась? Куда ушла? И почему?

И еще Том догадывался, что не на все вопросы есть ответы. И Громкоговоритель тут не поможет, он сам ничего не знает. Иногда существуют лишь вопросы.

* * *

Скорлупы находились далеко одна от другой и, на первый, не слишком внимательный взгляд, могли показаться домиками летнего лагеря – скромного, даже спартанского. В этом Лагере не было общих собраний, обедов, ужинов и вечерних спектаклей. И не было вожатых: ни энтузиастов, в которых влюбляются с первого взгляда, ни зануд, которых все ненавидят. Душевых кабинок и столовой тоже не было. О присутствии взрослых говорили только допотопные видеокамеры, установленные на высоких шестах; а уж зачем они там установлены – чтобы охранять территорию от чужих или следить за своими, кто знает...

И дети в Лагерь прибывали не все скопом, а по очереди. Их привозили в оранжевых грузовиках по двое-трое, бывало, что и по шестеро. Иногда долгое время никто не появлялся, а потом вдруг хоп – и сразу много. В тот день, например, приехало пятеро. После общего осмотра их распределили по наименее переполненным Сгусткам.

– Что-то их многовато становится, ты не находишь? – спросил Джонас и застучал по клавиатуре, набирая характеристики вновь прибывших. На столе перед ним лежал исписан-

ный от руки листок со всеми данными: вес, рост, примерный или установленный возраст, цвет глаз, особые приметы. – Такие все маленькие. И совсем ничего не знают. Ни о себе, ни о мире, ни о том, что было раньше. А если и знают, то быстро забывают, – добавил он. – И вообще, скоро станет трудно их всех контролировать.

– Есть же видеокамеры, – отозвался Рубен у него за спиной.

– Ага, когда они работают. И есть таблетки, но рано или поздно они закончатся.

– Скоро за ними начнут прибывать, вот увидишь. Информация уже разослана...

– Разослана – это, конечно, хорошо, но будет ли она получена... Как, интересно, ее рассылали? Почтовыми голубями, что ли? И каким способом, по-твоему, за ними начнут сюда прибывать? Пешком? На велосипеде? На каное? Чтобы сюда добраться, нужны месяцы, если не годы. Если вообще кто-нибудь доберется.

– Да, я бы на их месте давно уже плюнул на этих и настрогал бы новых, у себя дома, – хмыкнул Рубен. – Так оно веселее.

– Ты недооцениваешь силу памяти и силу надежды. – Джонас на миг прищурился, будто пытаясь отогнать неприятное воспоминание. Или наоборот, удержать.

– Ага, точно, я ни черта не понимаю, – Рубен покачал головой. – А знаешь, что я тебе на это скажу? Так даже лучше. Для меня и для них тоже. Нет мыслей – нет проблем.

– Я вижу, ты начинаешь цитировать Громкоговоритель. Значит, на что-то он все же годится... – Джонас проследил глазами за сценой, которая разыгрывалась на одном из немногих работающих мониторов. В центре, сжавшись, стоял маленький мальчик, а четверо старших пинали его ногами, как мешок. Джонас прикрыл глаза и откинулся на спинку продавленного кресла. – Неужели никто не вмешается?

– Это против принципов Базы, – заметил Рубен.

– Понимаю. Вы за естественный отбор. – Джонас снова открыл глаза, но изображения на мониторе уже не было.

– Не *вы*, дружище, а *мы*. Нравится тебе это или нет, ты теперь тоже в банде. А у банды свои правила.

Плывущие по экрану полосы закрыли неприятную сцену, как занавес.

– Интересно, можно ли это отладить... – пробормотал Джонас.

– Не думаю. Не хватает напряжения. Надо подождать, – ответил Рубен. – И вообще, это же ты у нас компьютерщик. Тебя сюда разве не за этим прислали?

– Пока что я чувствую себя тупым клерком, – сказал Джонас, возвращаясь к своим файлам. Рост, вес, цвет глаз. Фотокарточка отправляется сначала на сканер, потом изображение вставляется в предназначенный для него прямоугольник. Рядом с прямоугольником кто-то по недомыслию создал графу для имени – но она так и оставалась пустой. Разве что заполняющий сам вписывал в нее какое-нибудь слово, первым пришедшее на ум, – желательно покороче.

* * *

За границами Лагеря, вдали от Скорлуп, начинался лес. Одно из Правил Громкоговорителя гласило: «Кто в лес заберется, назад не вернется!»

Рифма, конечно, не ахти, но Правила Громкоговорителя есть Правила Громкоговорителя: им верили. Все громкоговорители орали их по два раза в день, утром и вечером, под музыку, которую дети напевали потом себе под нос, сами того не желая. А этому конкретному Правилу верили еще и потому, что леса – боялись.

Никто не знал, откуда взялся этот страх. Он поднимался откуда-то из глубины, как только первые вечерние тени начинали сгущаться под деревьями на его границе. О лесе ходили легенды. Говорили, что там живет какое-то страшное Чудовище. Что те, кто не послу-

шались Громкоговорителя и вошли в лес, так потом и не вернулись, и некому рассказать, что они там видели и слышали. Как, например, Сгусток Семнадцатый: из него исчезли все до единого, не оставив после себя никаких следов, кроме пяточка вытоптанной земли на краю леса.

Но время от времени кто-то все же пытался перебороть страх и сделать несколько шагов в сторону неизвестности. Потому что в лесу среди страшных вещей было и кое-что хорошее и абсолютно реальное: еда.

Том это знал. Он понял это сразу, как только рискнул впервые углубиться в лес, миновал сначала один куст, потом второй, третий... И, когда глаза его немного привыкли к темноте, он увидел. С ветвей свешивались круглые розоватые плоды, из земли лезли коричневые и широкие, как растопыренные ладони, грибы. Если присмотреться, на тонких ветках и на мягком ковре из палых листьев и мха можно было отыскать орехи. Конечно, были там и те ягоды, что едва не стоили Орле жизни. Но было и много другого, вкусного и замечательного, отчего приятно было не только в животе, но и чуть выше и чуть глубже.

Том вернулся в лес снова. Попробовал плоды – и обнаружил, что на вкус они даже лучше, чем на вид, и вовсе не ядовитые. Он научился различать их даже без названий: те, большие, с гладкой блестящей кожей и хрустящей мякотью, утоляют одновременно голод и жажду. Или вот эти, чуть поменьше, бархатистые на ощупь, сверху зеленоватые, а внутри розовые: когда их кусаешь, сладкий сок брызжет во все стороны. Труднее всего было добраться до мякоти маленьких плодов с твердой скорлупой – пришлось бить ее камнем. Внутри оказалась полужидкая бурда, ради которой не стоило и стараться, – но Тому все равно понравилось: ему казалось, что простой вкус этих плодов, помноженный на отвагу, с которой он до них добирался, превращается в источник энергии внутри него. Он понял, что, когда ест что-то хорошее, ему потом лучше думается.

Еще одна необыкновенная вещь – мысли. Они играли в догонялки у него в голове, мчались друг за дружкой, никогда не оставляли его одного. Том не чувствовал себя одиноко, даже когда занимался вместе со всеми совершенно бессмысленными делами. И теперь он понимал, *что* ему больше всего не нравилось в остальных: вот эта бессмысленность – отсутствие мыслей; эти ничего не выражающие глаза.

В лесу Том нашел еще кое-что. Такое же замечательное, как еда. Даже лучше, подумалось ему тогда. Что-то такое же важное, как еда, – он убеждался в этом постепенно, раз за разом.

Это был его секрет. Слово *секрет* – один из Осколков – всплыло вдруг у него в голове, а может, в сердце, сразу же, как только он это нашел. У них в Лагере не было секретов. Но ему достаточно было вспомнить это слово, чтобы понять, что это. Что-то, что хранишь для себя, самое драгоценное и важное. Такое важное, что все сжимается внутри.

В тот раз Том вернулся в Скорлупу с пустыми руками, но с секретом в душе.

* * *

– Станный все-таки сценарий, – сказал Джонас, наблюдая за происходящим в Лагере через стекло.

– Какой сценарий? – откликнулся Рубен, посасывая незажженную трубку. Табак, как и многое другое, был теперь в дефиците.

– Весь этот театр с летним лагерем, выдуманный примитивный мир, как в парках развлечений, хотя тут все страшно и уродливо и никто не развлекается... А мы должны наблюдать за всем этим со стороны, как какие-то экспериментаторы. Всё это... – Джонас раскинул руки, не находя слов, чтобы описать отчаяние, которое хотел выразить. – Я хочу сказать,

почему бы просто не устроить здесь школу-интернат? Ну, были бы классы, спальные комнаты, школа, столовая, спортзал, расписание... Когда-то детей, оставшихся без семьи, помещали в такие интернаты.

– Вот! Вот ты сам и сказал: школа. Столовая. Спорт. Для режима нужны твердые руки. Нужен персонал. Люди. Нас двоих не хватит, чтобы заниматься с детьми весь день. Да и чему мы их, собственно, научим? Что потребуется им в том мире, который настанет завтра? Алгебра? Языки? Или умение охотиться, добывать пищу, просто выживать? Нет, пусть уж они разбираются с этим самостоятельно, с самого начала. Мы даем им то, что имеем, что может им помочь. Лекарство.

– Ты называешь это помощью? – Джонас горько рассмеялся. – Послушай, никакого другого мира нет и не будет. Только этот. Здесь и сейчас.

– В этом, боюсь, ты прав, – Рубен вздохнул. – Мне он тоже не особо по душе, но что поделаешь. Другого нет. И вообще, мы должны радоваться...

– ...что все еще живы, да, – закончил за него Джонас. – Это я уже слышал. А вот они как, по-твоему, рады? Есть у них, чему радоваться? Хотя чему-то, хоть какой-нибудь мелочи? – сам того не желая, он повысил голос.

Рубен бросил на него быстрый взгляд и покачал головой.

Джонас вновь уставился в экран. Три девочки пытались играть в какую-то игру, водя палочкой в грязи. Невозможно было понять правила этой игры, если они вообще были. Каждая из девочек, по очереди, поднималась и стирала ногами то, что накарябали другие. Чуть дальше мальчик, сидящий на корточках на земле, – уже не малыш, как минимум Девять, – укладывал в ряд камни, от самых больших к маленьким. Долго раздумывал над каждым, вертел его в руках, ощупывал, определяя размер. Игра для детей двух, ну, трех лет. Были и такие, которые ни во что не играли, если, конечно, не считать игрой беготню, валяние в грязи и раздачу тумачков налево-направо.

Свист Громкоговорителя заставил всех замереть на месте – так замирает от испуга стая обезьян. Это был зов к еде: иногда на Базу неожиданно попадали запасы продуктов, и тогда в порыве щедрости часть их раздавалась детям. Точнее, тем из них, кто был сильнее и проворнее остальных, кто жестче бил и работал локтями – ведь на всех еды никогда не хватало. Дети были готовы на все, только бы поменять опостылевшие стручки на что угодно другое. Джонас однажды, из любопытства, попробовал эти стручки – давно, еще в день своего приезда. В прошлой жизни они, наверное, назывались бобами или фасолью. Бледно-зеленые и на вкус никакие – ни сладкие, ни горькие. Так, мокрая растительность.

На экране перед Джонасом мелькали пакеты, брошенные наугад, драки, кровь, текущая из носов, безумный бег тех, кому удалось заполучить пакет и крепко прижать его к груди, погоня, снова драки и снова кровь. Он пожал плечами и повернулся к монитору спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.